

Под мерный, глухой стук судейских жезлов о деревянный пол зала Лэ Уя, в чьей голове за секунду пронеслись десятки планов, окончательно успокоился.

Громкий удар колотушки мгновенно заставил гомонящий зал затихнуть.

Облаченная в траурные одежды тетушка Су стояла посреди зала. Из-за непрекращающихся слез ее лицо казалось совершенно окоченевшим и лишенным эмоций.

Лэ Уя строго спросил:

— Кто стоит перед судом и на какую несправедливость желает подать жалобу?

Прибывший чжуанши прекрасно знал свое дело. Он заранее напутствовал вдову, напомнив, что обвинять действующие власти империи в открытую — тяжкое преступление. А потому в прошении не следовало упоминать, что могилу раскопали сами стражники. Надлежало лишь заявить, что фамильное захоронение ее сына было варварски разграблено неизвестными злоумышленниками, и просить управу отыскать виновных по закону.

Выслушав исковое заявление, Лэ Уя захлопал глазами, и на его лице отразилось крайнее изумление:

— Но ведь это дело было устроено по личному распоряжению вашего судьи.

Он тут же повернулся к Сунь Жу и с выражением глубокой праведности на лице обрушился на него с допросом:

— Заместитель Сунь, разве я не велел тебе сначала со всем почтением обсудить этот вопрос с вдовой Су, и лишь затем пригласить покойного Чан Сяоху покинуть могилу? По какой причине ты не исполнил мой приказ?

Сунь Жу: ...

Не дав заместителю вставить ни единого слова в свое оправдание, Лэ Уя обернулся к застывшей в оцепенении тетушке Су и заговорил самым доброжелательным тоном:

— Я действительно вознамерился лично осмотреть останки Чан Сяоху, дабы досконально прояснить истинную причину его кончины. Кто же знал, что мои подчиненные окажутся настолько бестолковыми и истолкуют мои слова вкривь и вкось. Прошу принять мои искренние извинения.

Он с силой опустил колотушку:

— Выдать из казны пять лянов серебра на восстановление и благоустройство родового кладбища почтенного семейства Чан!

Договорив, он вновь ласково посмотрел на тетушку Су:

— В случившемся полностью виноват Ваш судья, дело было исполнено небрежно, отчего пострадал покой и фэншуй могилы ваших предков. Если пяти лянов окажется недостаточно для проведения всех очистительных обрядов и молебнов ради возвращения благодати, Ваш судья готов доплатить из собственного кармана. Как только процесс завершится, заместитель Сунь Жун вместе со всеми стражниками, что столь позорно провалили поручение, лично явятся к тебе в дом с покаянием. Вдова Су, есть ли у тебя еще какие-либо жалобы к этому суду?

Это запутанное дело разрешилось с поразительной быстротой и легкостью, точно утекающая вода.

Окажись на ее месте любой другой простолюдин, чью семейную могилу по ошибке разворошили власти, он бы после такого вердикта просто утерся да покорно смирился.

А человек недалекий и корыстный, возможно, даже втайне порадовался бы неожиданному денежному кушу.

Однако лицо тетушки Су не просто не прояснилось, оно мертвенно побледнело, став землисто-серым.

— Мой сын... — ее губы начали мелко дрожать. — Господин судья, вы изволили сказать, что Сяоху...

Лэ Уя, однако, больше не удостоил ее взглядом:

— Вдова Су, если ты до сих пор не согласна с судебским решением, отойди пока в сторону и подумай как следует, прежде чем подавать новый иск. Сегодня у вашего судьи на повестке дня слишком много дел.

Он с размаху обрушил на стол колотушку:

— Ввести в зал двоих нищих, сотворивших разбой и покалечивших человека!

Двоих калек с самыми унылыми минами ввели под конвоем.

Однорукий бродяга, строго придерживаясь полученных от Лэ Уя наставлений, точь-в-точь изложил придуманную историю: дескать, они с братом пробрались в похоронный амбар ради осквернения гробов и кражи мелких ценностей у мертвецов, дабы раздобыть денег на лечение,

и там «совершенно случайно» нанесли увечья незнакомцу.

Многие горожане сегодня лично видели, как эта парочка таскала за собой избитого маленького бродяжку, вымаливая кусок хлеба.

Местный пригородный ледник использовался в основном для временного хранения гробов. Покоились там большей частью безвестные пришлые чужаки, не имевшие в Наньтине ни родных, ни друзей. Если при покойниках и оставались какие-то грошовые ценности, их начисто обчищали еще во время обряда погребения.

А потому собравшиеся в зале обыватели, во-первых, рассудили, что надругательство над чужими мертвецами их никак не касается. А во-вторых, калеки пошли на грех не ради собственной наживы, а ради спасения жизни несчастного сироты, что в глазах простого люда выглядело делом в высшей степени благородным и праведным. Толпа принялась наперебой выкрикивать слова поддержки в защиту арестантов. Даже молодой подручный из кулинарной лавки, пользуясь общим шумом и неразберихой, вставил, пару раз зычно крикнув на весь зал: «Не виноваты они! Невиновны!»

Цзян Хэ наблюдал за происходящим, скрестив руки на груди. Он заметил, что уездный начальник вовсе не пытается утихомирить разбушевавшуюся толпу. Напротив, судья восседал в кресле с на редкость довольным и предвкушающим видом, что не могло не вызвать у гвардейца искреннего изумления.

...Все выглядело так, словно этот хаос в зале был именно тем зрелищем, которого начальник так страстно желал.

Когда гомон в зале наконец понемногу утих, Лэ Уя устремил пристальный взор на стоявших внизу калек:

— Назовите суду ваши подлинные имена, фамилии и место рождения.

При этих словах оба дезертира одновременно подобрались, а в их глазах вспыхнул острый боевой блеск.

Вот и настал этот час!

Они из всех сил старались ради господина судьи и без колебаний взяли на себя чужую вину лишь ради этого единственного мгновения!

Однорукий вскинул голову и четко произнес:

— Ничтожного раба зовут Ху У, я родом из уезда Сиин округа Хэцзинь. А этот калека рядом со мной, мой двоюродный брат, мы оба носим фамилию Ху...

Безногий приглушенным голосом добавил:

— Ничтожного раба зовут Ху Вэнь.

Конечно, это были вовсе не их подлинные имена.

Однако с этой самой секунды для всего мира они стали братьями Ху Вэнем и Ху У.

Лэ Уя вновь строго спросил:

— Имеются ли у вас при себе подорожные грамоты?

Ху У, чей язык был подвешен куда лучше, торопливо продолжил:

— Мы с братом происходим из потомственного сословия ремесленников, владеем мастерством покрытия лаком.

— По какой причине вы лишились крова и превратились в уличных бродяг?

— В родных краях случилась страшная беда, а по дороге в беженство на нас напали лютые разбойники. Они обчистили нас до нитки, да еще и наградили сабельными ударами. Лишь по счастливой случайности мы чудом выжили...

За последние два года в землях Хэцзинь и впрямь сначала свирепствовала жестокая засуха, а следом вспыхнул мор, унесший тысячи жизней и породивший бесчисленные толпы беженцев.

Едва речь зашла об этом, стоявшие в зале заседаний горожане сочувственно запричитали, и по рядам вновь прокатился ропот жалости к несчастным.

Посреди толпы Цзян Хэ слегка нахмурился, и его взор с подозрением замер на увечьях калек.

Он мысленно рассудил: сабли уличных разбойников — это обычно грубо выкованные домашние тесаки, тяжелые и тупые. Как могли они настолько ровно, чисто и одним взмахом отсечь человеку конечности?

Такие следы оставляли исключительно превосходно заточенные боевые клинки регулярной армии.

Однако выводить их на чистую воду гвардеец не планировал.

Во-первых, ему самому было жизненно важно скрывать свой подлинный статус.

Во-вторых, он с юных лет знал, что умом особо не блещет.

Уж не припомнить, почему, но стоило ему в прошлом раскрыть рот и высказать свои мысли, как окружающие неизменно поднимали его на смех. С годами он просто привык помалкивать и не отвечать.

Лэ Уя тем временем незаметно наблюдал за ним из-под судейской шапки. Заприметив, что парень порывался было что-то сказать, но осекся, Лэ Уя едва заметно улыбнулся и с размаху обрушил колотушку на стол, заставив зал мгновенно притихнуть.

Лэ Уя сурово прогремел:

— Раз уж вы пробрались в амбар ради мелкой наживы, с какой стати вам вздумалось без всяких на то причин избивать и калечить государственного служащего? Отвечайте суду без утайки, и не вздумайте лгать!

Услышав это, Цзян Хэ в толпе едва заметно кивнул.

В этой истории и впрямь крылась явная нестыковка.

Если калекам нужны были лишь деньги, то стоило кому-то постороннему переступить порог и застукать их за кражей, им следовало немедленно броситься наутек. Тем более что оба были тяжелыми инвалидами и вдвоем вряд ли одолели бы здорового взрослого мужчину.

Бегство в такой ситуации — лучший выход. Зачем нужно было устраивать кровавую бойню?

Однако Ху У держался на редкость уверенно.

Поскольку Лэ Уя еще в переулке успел снабдить его четкими инструкциями, у дезертира было предостаточно времени, чтобы досконально просчитать весь замысел своего нового господина.

Он со всего размаху ударился лбом о каменный пол и со слезами в голосе запричитал:

— Судья... ничтожный раб виноват! Мы ведь поначалу понятия не имели, что этот человек состоит на службе у государства! Мы-то нагрели уши и решили, будто он... будто он тоже пробрался к гробам ради грабежа мертвецов. Мы с братом притаились и решили не отвечать. Но кто же знал, что этот лиходей подойдет к новоприбывшему трупу и примет в нем копать да полосовать его ножом! Ничтожный раб подумал: пускай мы и пошли на грех ради куска хлеба, но то, что творил этот ирод — это ведь форменное кощунство и надругательство над усопшим, за такое небеса карают! Брат мой от страха затрепетал, выдал

нас шумом, и тот человек нас заметил. Он зычно гаркнул: «Кто здесь?!», развернулся, а в его руке хищно блеснул острый тесак! Мы с братом перепугались до смерти, да к тому же оба калеки, бегаем-то скверно. Смертельно испугавшись, что этот душегуб изрежет нас ради сокрытия тайны, мы рассудили, что лучшая защита — это нападение! Мы в полной панике бросились на него и принялись колотить чем попало. А когда опомнились, он уже лежал в крови на полу и хрипел, будто... будто явился сюда по личному судебскому указу ради государственной надобности, и что он официальный коронер уезда! Тут-то мы с братом поняли, что натворили страшное. Бежать мы не осмелились, а потому напрямиком направились к вашим чертогам, сдаваться с повинной. Судья, мы виноваты! Смилуйтесь, господин!

Договорив, он задрожал всем телом и принялся непрестанно бить поклоны, вымаливая пощаду. Вид у него был невероятно жалкий.

Среди горожан поднялся гул возмущения.

Поставь они себя на место этих несчастных калек: очутиться глухой ночью среди гробов и мертвецов и узреть, как зловещий незнакомец с острым ножом в руке кромсает свежий труп, тут у любого сердце в пятки уйдет.

Не начини они защищаться, вполне могли бы сами превратиться в безвестных мертвецов в том же леднике.

Лэ Уя веско кивнул:

— Доставить в зал заседаний коронера Шана.

Заместитель Сунь Жу все же зря хлеб не ел: даже в условиях такой круговерти он успел подослать к пострадавшему лекаря, который наспех наложил шину на раздробленную ногу Шан Цзюньцая.

Сам коронер, оставленный в задних покоях, едва держался на ногах от дикой боли и до сих пор толком не понимал, за какие грехи на него обрушилась эта кара небесная.

Однако звериным чутьем он почуял: тучи над его головой сгущаются.

Он отправился в похоронный амбар тайно, получив личную записку от Сунь Жу. И если уездный судья сейчас в упор спросит его, какого черта его принесло к трупу Чан Сяоху посреди ночи, как он станет выкручиваться перед судом?

Он и рад был бы измыслить какое-нибудь оправдание, однако невыносимая боль в раненой ноге мешала ему сосредоточиться.

Теперь же, когда его доставили в зал и он увидел сидевших рядом нищих, а уездный судья при

этом одарил его загадочной, нечитаемой улыбкой, дурное предчувствие в его груди разгорелось с новой силой.

Однако то, чего он боялся больше всего, как раз и случилось.

— Коронер Шан, я хочу спросить тебя: когда это я отправлял тебя в похоронный амбар ради государственной надобности?

Шан Цзюньцай: ...

Он глубоко вдохнул, и его взгляд помимо воли метнулся к заместителю Сунь Жу.

Хотя у Сунь Жу на душе кошки скребли, он с напускным хладнокровием выдержал этот взгляд. Заместитель твердо знал, что никаких явных улик против себя не оставил. Он всего лишь известил коронера, что судья приказал извлечь останки Чан Сяоху, но вовсе не подстрекал его пробираться в амбар и тайно шарить в гробу.

Едва обменявшись взглядами с Сунь Жу, Шан Цзюньцай сразу понял, что утянуть того за собой на дно не выйдет, а потому уклончиво пробормотал:

— Ничтожный раб... прослышал, что тело Чан Сяоху перевезли в амбар, а потому вознамерился заранее осмотреть его... Это ведь входит в мои прямые обязанности.

Он все еще уповал на то, что Лэ Уя — это прежний простодушный и робкий судья Вэньжэнь Юэ. Стоит лишь прикрыться служебным долгом, как начальник тут же замолкнет, не найдя слов для возражения.

Кто же знал, что Лэ Уя ни капли не запутается в его речах, а сразу нанесет сокрушительный удар по самому уязвимому месту:

— Однако эти двое только что клятвенно заверили суд, будто ты сам объявил им, что действуешь по моему личному указу. Коронер Шан, когда это я посылал тебя в амбар? Раз уж ты так любишь принимать за меня решения, не уступить ли мне это судейское кресло тебе?

У коронера бешено заколотилось сердце. В той ночной неразберихе, спасая свою шкуру от побоев, он и сам толком не помнил, что именно кричал нищим. Выставлять себя доверенным лицом судьи в частном порядке, конечно, было можно, но заявлять об этом во всеуслышание на официальном суде — чистой воды самоубийство.

Преодолевая дикую боль, он выдавил:

— Господин судья, ничтожный раб ничего подобного не говорил!

В конце концов, в том леднике их было всего трое. Если обе стороны станут упрямо стоять на своем, дело еще можно будет повернуть в нужную сторону.

Однако сидевший рядом Ху У тут же состроил крайне изумленную мину:

— Господин коронер, если бы вы сами не назвались, откуда мне было знать, что ваша фамилия Шан и что вы — местный коронер? И если бы вы не кричали, будто исполняете указ судьи, зачем бы нам после драки возиться с вами? Бросили бы подыхать прямо там, в амбаре, да сбежали, с какой стати нам было тащить вас в управу и сдаваться с повинной?

Этот бродяга оказался настолько изворотливым и хитрым, что Шан Цзюньцай от неожиданности онемел. Выждав секунду, он яростно выкрикнул:

— Вздор и наглая ложь! Вы двое без всяких причин набросились на меня с кулаками, и лишь тогда я назвал свой чин! Когда это я прикрывался судебским указом?!

Лэ Уя подпер щеку ладонью и, глядя на его багровое от ярости лицо, лениво обронил:

— Коронер Шан, стало быть, ты утверждаешь, что до начала драки эти двое понятия не имели, что перед ними находится государственный служащий, верно?

В таком положении коронеру оставалось лишь стоять на своем до конца:

— Верно!

Лэ Уя повернул голову к секретарю. Тот как раз занес кисть над чистой бумагой и, мгновенно разгадав замысел начальника, густо обмакнул ее в тушь, готовясь заносить показания в судебный свиток.

Лэ Уя зычно объявил:

— Ху Вэнь и Ху У тайно проникли в похоронный амбар с умыслом обобрать покойника. Согласно Уложениям наказаний Великой Ю, поскольку ценностей они не добыли, назначить каждому по пятьдесят ударов тонкими розгами без клеймения. Нападение на государственного служащего с причинением увечий карается ста ударами тяжелых палок и ссылкой на три тысячи ли. Однако, поскольку подсудимые не знали о чине коронера Шана Цзюньцай и сами явились с повинной, смягчить наказание на две степени. Более того, узрев в стенах ледника человека с обнаженным клинком у гроба, они поддались оправданному страху и действовали в рамках самообороны, а потому Ху Вэнь и Ху У правы пред законом, что позволяет смягчить вердикт еще на две степени. По совокупности двух проступков приговорить Ху Вэня и Ху У к пятидесяти ударам розгами и двадцати ударам легких палок. По отбытии наказания обоим надлежит явиться за новыми подорожными грамотами и официальным учетом, после чего им дозволяется честно зарабатывать себе на жизнь в уезде.

Он перевел взгляд на двоих бродяг и мягко спросил:

— Принимаете ли вы назначенное судом наказание?

Коронер Шан Цзюньцай сидел ни жив ни мертв, ошалело хлопая глазами.

Как их могли наказать настолько мягко?!

Однако стоило ему поразмыслить над этим секунду, как во рту у него стало невыносимо горько, а слова застряли в горле. Раз уж он сам только что клятвенно заверил суд, будто до начала потасовки не успел объявить нищим о своей судейской должности, то эти двое калек действительно перед законом чисты, они понятия не имели, кого бьют, а потому тяжесть их проступка соразмерно уменьшалась.

Прежде чем братья Ху Вэнь и Ху У успели до конца осознать свалившуюся на них удачу, по залу заседаний прокатился огненный шквал одобрительных криков и ликования горожан.

Цзян Хэ в толпе тоже едва заметно кивнул.

Пускай в этой парочке и проглядывали явные странности, однако они не бросили на произвол судьбы маленького сироту, да и на кражу пошли исключительно ради спасения чужой жизни, что в глазах военного отдавало благородным разбоем и истинной доблестью. Накажи их судья по всей строгости закона, простой люд затаил бы на управу обиду. Но отпусти он их вовсе без наказания, пострадала бы честь избитого коронера и пошатнулось бы величие самого государственного ведомства. Вердикт уездного начальника оказался идеально взвешенным: он и букве закона не противоречил, и канонам человечности отвечал как нельзя лучше.

Братья Ху Вэнь и Ху У, разумеется, едва сдерживали дикую радость. На их телах живого места не было после долгих лет службы, а в регулярных войсках командиры колотили их по чем свет стоит за малейшую провинность, так что принять несколько десятков ударов для них было делом привычным. Но самое главное заключалось в другом: отныне их имена официально занесут в уездные книги, они пройдут проверку властей и раз и навсегда избавятся от клейма беглых солдат. Им больше не придется судорожно копить монеты ради взятки местному старосте за поддельный паспорт, не придется каждую секунду трястись от страха перед патрулями. Перед ними открылась прямая дорога к честной и спокойной жизни... О подобном чуде они прежде не смели даже грезить в самых смелых снах!

Они торопливо прижали окровавленные пальцы к судебному свитку, скрепляя договор, и, сияя от затаенного восторга, безропотно позволили стражникам увести себя во внутренний двор, принимать законные палки.

Стоило одному делу завершиться, как Лэ Уя тут же взялся за следующее. На его губах вновь заиграла обманчиво мягкая улыбка:

— Ну а теперь, коронер Шан, черед дошел и до тебя. Ты...

Он внимательно оглядел распластанного на полу служащего. Заприметив, что тот мертвенно бледнел, хрипел и каждую секунду норовил лишиться чувств от боли в раздробленной ноге, Лэ Уя проявил редкую заботу:

— Раз уж ты столь рьяно и без устали радеешь о нуждах уезда, Ваш судья готов уважить твою безграничную преданность государственному долгу и не станет карать тебя за то, что ты посмел самовольно прикрываться моим судейским именем. Отвечай прямо: к какому именно мертвецу ты пытался приложить свои руки?

Шан Цзюньцай поперхнулся воздухом. Терять сознание он теперь не смел под страхом смерти, а потому лишь еще ниже прижался лбом к полу, не проронив ни звука.

Лэ Уя удивленно вскинул брови и с явной насмешкой в голосе протянул:

— Дай-ка мне угадать... Уж не к останкам ли Чан Сяоху ты посреди ночи пробирался?

При этих словах одновременно вздрогнули двое: лежавший на полу коронер и стоявший в толпе Цзян Хэ.

...Этот тон. Ну до чего же эта ехидная манера речи... напоминала повадки его молодого генерала!

Слова сорвались с губ Лэ Уя прежде, чем он успел подумать, и сам он мысленно обругал себя за излишнюю неосторожность. Все-таки он слишком долго привык вести себя вольно и дерзко, а потому чужая благообразная маска праведного книжника, которую ему пришлось нацепить, сидела на нем из рук вон плохо. Он украдкой прошелся глазами по Цзян Хэ, но обнаружил, что гвардеец лишь низко опустил голову, погруженный в собственные глубокие думы. Убедившись, что парень ничего не заподозрил, Лэ Уя как ни в чем не бывало вновь напустил на себя степенный судейский вид:

— Стража! Раз уж коронеру Шану нынче недосуг бегать на сломанных ногах, доставьте останки Чан Сяоху прямо сюда, в зал заседаний.

Сидевшая до этого в полном оцепенении тетушка Су резко вскинула голову, уставившись застывшим взором вглубь судебных коридоров. Спустя мгновение конвойные аккуратно внесли в зал деревянные носилки, на которых покоилось иссохшее, изъеденное тленом тело ее сына, укрытое куском плотного белого холста.

Ее маленький Сяоху от самого рождения рос хрупким и болезненным ребенком, никогда не отличаясь богатырским телосложением. Однако сейчас, глядя на этот обтянутый кожей костяк под саваном, женщина поняла, что в ее памяти сын выглядел куда более живым и крепким.

Еще полчаса назад у ворот суда она, подобно обезумевшей тигрице, готова была голыми руками разорвать любого, кто осквернил могилу ее ребенка. Но теперь, когда останки сына действительно оказались перед ее глазами, какая-то неведомая, пугающая сила намертво пригвоздила ее к каменным плитам пола, не давая сделать ни единого шага вперед.

Полгода назад, едва предав тело земле, она в слезах примчалась в управу с иском против хозяев угольного рудника «Сяофу». Но в ту же ночь к ней в лачугу постучались доверенные люди богача Чэня. Они со стуком опустили на стол увесистый кошель со звонким серебром и леденящим тоном обронили несколько веских, бьющих наотмашь фраз:

— Тетушка Су, прими наши соболезнования и смирись со своей долей. Как бы усердно ни копался в бумагах этот ваш уездный судья, вердикт останется неизменным, твой Чан Сяоху погиб от несчастного случая на производстве. И это истина, которую не переписать. Ты ведь и сама прекрасно знаешь, что рудник «Сяофу» — личная собственность великого благодетеля Чэня. Наш хозяин Чэнь — человек кристальной души, его в уезде каждый нищий знает и славит. То, что он вообще согласился взять на работу твоего дохлого, хлипкого мальчишку, это был огромный риск с его стороны, сделанный исключительно из жалости к землякам! Говоря начистоту, умри твой Сяоху от какой-нибудь хвори прямо в забое, хозяину пришлось бы еще и на похороны тратиться, так с какой стати ему было нанимать задохлика вместо дюжего работника? И после всей этой милости ты смеешь так нагло и бездоказательно чернить честное имя своего благодетеля? Совесть-то у тебя есть? Если другие помещики прознают, какой черной неблагодарностью ты платишь за добро, тебя в этом уезде больше ни в один дом даже полы мыть не возьмут.

Оставшись без единого родственника и заступника в целом мире, одинокая тетушка Су тогда попросту сломалась от дикого страха. Она трясущимися руками приняла монеты, забрала из управы свое исковое заявление и все последующие месяцы, как бы ни бунтовал и ни требовал справедливости упрямый ученый Мин, упрямо отводила глаза и делала вид, будто ее это не касается.

Она и помыслить не могла, что наступит день, когда ей вновь придется созерцать извлеченного из-под земли сына.

Заприметив, что вдова Су окончательно одеревенела от горя и застыла посреди зала, не в силах вымолвить ни слова, Лэ Уя властно скомандовал:

— Уведите вдову Су из зала заседаний.

Все последующие действия были совершенно не предназначены для глаз несчастной матери.

Лишившись последних сил, тетушка Су безвольно побрела прочь под руки стражников, а ее лицо беспрестанно заливали горькие, удушливые слезы.

Лишь когда один из конвойных легонько потянул ее за край платья, она словно очнулась ото сна. Колени ее подкосились, и женщина со всего размаху рухнула на пол. Она была не в силах

вымолвить ни одного связного слова, лишь прижималась лицом к каменным плитам, а ее плечи судорожно вздрагивали. Сквозь рыдания она бессвязно повторяла:

— Судья... Господин судья, вы наш спаситель, вы наш чистый праведник...

Стражник решил было, будто она собирается нарушить порядок в зале и устроить дебош, и уже занес руку, дабы бесцеремонно выставить вдову вон, однако в этот момент раздался спокойный и властный голос Лэ Уя:

— Раз уж она желает остаться и лично созерцать процесс, пусть остается.

Чан Сяоху погиб при столь туманных и подозрительных обстоятельствах.

Тетушка Су была неграмотной и на редкость робкой женщиной. Однако, как и любой человек в поднебесной, она всем сердцем ощущала несправедливость, обиду и страстно желала узнать подлинную правду.

Лэ Уя неторопливо сошел с судейского помоста и уверенным движением руки сдернул белую савановую ткань с носилок.

Тело Чан Сяоху пролежало под землей целых полгода, пройдя путь от летнего зноя до зимней стужи. Плоть успела наполовину высохнуть и наполовину сгнить, обнажая зловещие белые кости. Оставшаяся кожа почернела и мертвенной хваткой обтянула костяк. Стоило убрать холст, как сильного смрада по залу не разнеслось, однако те из горожан, что протиснулись в самые первые ряды ради зрелища, помимо воли брезгливо зажали носы ладонями.

Лэ Уя в течение нескольких секунд молча всматривался в пустые, выбеленные временем провалы глазниц черепа, а затем перевел взор чуть ниже.

Прямо посередине грудной клетки покойника красовался глубокий разрез. Края этой раны были на редкость ровными и аккуратными.

Лэ Уя даже не взглянул в сторону съездившегося коронера Шана, а вместо этого леденящим тоном выкрикнул:

— Сунь Жу.

Заместитель судьи, услышав, как начальник внезапно выкликнул его имя, весь так и подобрался. Сердце его бешено заколотилось, и он торопливо отозвался:

— Ваш слуга здесь.

— Ты проявил величайшую халатность при исполнении моих распоряжений, — Лэ Уя указал длинным пальцем на ровный разрез на груди мертвеца. — Ваш судья приказал извлечь останки Чан Сяоху исключительно ради пересмотра старого запутанного дела. Ты мало того, что не соизволил заранее известить несчастную мать, так еще и допустил варварское повреждение улики. Какого наказания ты заслуживаешь за такой проступок?

Сунь Жу отчетливо уловил, как голос начальника покрылся ледяной коркой. Мельком взглянув на форму раны, он сразу сообразил, что подобные повреждения никак не могли появиться от ударов лопат или небрежной транспортировки гроба. Сопоставив увиденное со словами однорукого нищего, заместитель мгновенно все понял:

«Ну надо же, наш судья опять мастерски разыгрывает из себя дурачка!»

Он без лишних слов с глухим стуком преклонил колени перед помостом:

— Судья, явите милость, выслушайте доводы вашего слуги! Как бы я посмел выказать небрежение к вашим личным указам? Пускай дежурные стражники в караулке в обычное время и ведут себя излишне сурово, однако при раскопках они действовали с величайшей осторожностью. Останки Чан Сяоху покоились в простом, но прочном дощатом гробу, и ткань савана осталась целой. Когда парни извлекали тело, они бережно придерживали покойника за края нижнего холста. А потому этот разрез никак не мог быть делом рук моих подчиненных. Он куда больше похож... похож на...

Лэ Уя с улыбкой договорил за него вторую половину фразы:

— Похож на след от острого ножа, что в точности совпадает с показаниями братьев Ху.

Глубокий, пронзительный взор Лэ Уя намертво пригвоздил к полу коронера Шана, с которого в этот момент пот катился градом, точно водопад:

— У нашего коронера Шана Цзюньцай наверняка имеются при себе излюбленные инструменты для вскрытия, которыми он пользуется изо дня в день. Извольте принести их в зал ради сравнения с раной. Если лезвие совпадет с надрезом, у нас появится неопровержимая вещественная улика. А с учетом слов очевидцев, братьев Ху, обвинение будет подкреплено и свидетельскими показаниями.

— Шан Цзюньцай, ты под покровом ночи тайно пробрался в похоронный амбар, дабы сотворить бесчинство над телом Чан Сяоху. С какой целью ты это сделал? Отвечай суду!

Коронер Шан прекрасно понимал, что угодил в смертельную западню, а потому принял единственное верное решение, наглухо замкнул уста.

Чем больше слов слетит с его языка, тем больше ошибок он допустит.

В конце концов, этот пришлый судья ни черта не смыслит в медицине и вскрытии...

Не успел он закончить эту мысль, как над его головой раздался леденящий душу голос Лэ Уя:

— Раз уж ты упрямо хранишь молчание, да к тому же из-за сломанной ноги не способен исполнять свои прямые обязанности, то почему бы Вашему судье не взять это бремя на себя? Как смотреть на то, если я самолично, на глазах у всех горожан, проведу повторное вскрытие и осмотр останков?

<http://bllate.org/book/18193/1989835>